

— Родная цзюньчжу, в детстве отец велел мне читать их, но старший брат был против. Брат учил меня лишь стихам и прозе, но я глупа...

Не успела она договорить, как увидела, что цзюньчжу надула губки, указала на лежавшую на столе книгу рассказов и приказала:

— Бери книгу и на коленях читай мне, цзюньчжу.

Хотя она и недоумевала, почему цзюньчжу рассердилась, послушаться не смела. Она торопливо взяла книгу, опустилась на колени на пол и принялась неторопливо читать вслух.

Сидевшая рядом Син-эр испуганно вздрогнула, увидев, что цзюньчжу внезапно разгневалась. Хотя на сердце было тревожно, она по-прежнему послушно махала веером.

Обычно в такую знойную летнюю пору цзюньчжу ее происхождения давным-давно уехала бы спастись от жары в загородное имение под Цзинчэном. Но нынче была одержана победа, и старший молодой господин тоже должен был вернуться, поэтому оставалось лишь припасти побольше ледяных чаш да велеть служанкам обмахивать цзюньчжу веером.

Это была история о том, как барышня из Цзинчэна выходит замуж за наследного княжича. Хоть сюжет и казался избитым, книга все равно была огромной редкостью. Куда труднее приходилось ей самой: стоя на коленях на земле, она тревожилась, как бы цзюньчжу не гневалась. Хорошо хоть прохладой от веера, которым Син-эр махала с другого края, удавалось немного насладиться.

Она и сама не ведала, сколько времени читала: ноги уже совсем онемели, но остановиться она не смела, а подняться — тем более.

Вдруг она услышала, как цзюньчжу тихонько проговорила:

— Вставай же скорее.

Затем цзюньчжу заговорила, будто сама с собой, а будто и с ней:

— Матушка велела мне читать это, говорит, мол, замуж скоро выходить. Я знаю, что не должна капризничать, но не хочу я замуж.

— У отца вне дома есть еще наложницы, есть и другие сыновья и дочери от наложниц. Я ведь тоже дочь наложницы, но матушка вырастила меня при себе и всем вокруг говорит, что я законнорожденная дочь, только поэтому меня и пожаловали титулом цзюньчжу.

Большинство мужчин в эту древнюю эпоху таковы. Подумать только, если она выйдет замуж,

ей тоже придется брать для мужа наложниц. От одной этой мысли по спине бежали мурашки — лучше уж оставаться служанкой, ведь цзюньчжу по крайней мере добра к ней.

Син-эр тоже не знала, какими словами утешить цзюньчжу, однако Чу Сюэ вдруг улыбнулась, подняла голову и произнесла:

— У моей служанки дома полным-полно наложниц, а за его пределами еще с десяток наберется, и братьев с сестрами не счесть. К тому же цзюньчжу может обо всем по душам поговорить с отцом, думается мне, молодой господин безмерно любит цзюньчжу.

— Столько? — цзюньчжу опустила голову, о чем-то задумываясь. И в тот самый миг, когда Чу Сюэ уже вздохнула с облегчением, она услышала слова цзюньчжу: — Я была неправа, что намеренно заставила тебя встать на колени.

— Цзюньчжу права во всем, это служанка...

Не успела она договорить, как увидела, что цзюньчжу внезапно улыбнулась:

— Сяо Сюэ, спасибо тебе. Ты ведь старшая барышня, а пришла ко мне в служанки, обделила себя.

Она поспешно ответила:

— Я очень счастлива, служить цзюньчжу — для меня радость. А если бы цзюньчжу еще одарила меня золотом и серебром, было бы и вовсе прекрасно.

— Какая же ты меркантильная, — с улыбкой произнесла цзюньчжу, но всё же кивнула, а затем поднялась на ноги и скомандовала: — Пойдёмте на выход.

С этими словами цзюньчжу встала и направилась к выходу, а она и Син-эр послушно последовали следом.

Что ж, пусть так, она и впрямь меркантильна, безумно любит золото и серебро.

Шаги цзюньчжу были неспешными и легкими, без малейшей тяжести или заминки, в них идеально сочеталось достоинство и благородные манеры. Облаченная в изысканное ханьфу сдержанных пастельных тонов из мягкой, струящейся ткани, она напоминала первый луч утреннего солнца — нежный, но исполненный величественной роскоши. Легкой походкой она ступила в парадный зал, и каждое ее движение напоминало тщательно отрепетированный танец, а в каждом жесте сквозило спокойствие и изящество, далеко превосходившие ее годы.

Чу Сюэ шла позади, глядя на шествовавшую впереди исполненную достоинства и благородства

девушку. То была истинная аристократка: пусть происхождение ее матери было несколько скромнее, отец, братья и главная жена любили ее как родную.

Когда цзюньчжу опустилась на главное место — то было резное сандаловое кресло со сложным узором, которое в иных обстоятельствах могло бы показаться чересчур массивным, — её присутствие смягчило суровую мебель. Она присела легко и плавно, слегка подавшись корпусом вперед, сложив руки на коленях. Её ясные и чистые глаза казались способными заглянуть в самую душу. Даже в столь торжественной обстановке на ее лице сохранялось свойственное детям детское простодушие и любопытство, однако присущие ей рассудительность и уверенность в себе невольно заставляли испытывать перед ней трепет.

Завидев вышедшую цзюньчжу, Цуйлю подбежала ближе, согнувшись в поклоне, и почтительно напомнила:

— Цзюньчжу, вам пора отдохнуть.

Цзюньчжу слегка покачала головой:

— Подай две пиалы супа из груш-топлёнок.

Затем она перевела взгляд на Чу Сюэ:

— Сяо Сюэ, присядь пока вон там.

— Слушаюсь.

Чу Сюэ и Цуйлю ответили в один голос. Проводив глазами побежавшую со всех ног Цуйлю, Чу Сюэ уселась на почетное место по правую руку от цзюньчжу, а цзюньчжу с улыбкой произнесла:

— Чуть позже ты составишь мне компанию, навестим матушку.

Она уже собиралась приоткрыть рот и что-то ответить, но, заметив, как юная цзюньчжу безмятежно восседает на главном месте с закрытыми глазами, словно наслаждаясь мгновением тишины, проглотила все слова, готовые сорваться с губ. Хотя в повседневной жизни юная цзюньчжу вела себя безупречно и обладала взрослой рассудительностью, эта скрытая на дне души детская чистота и доброта неизменно выдавали в ней лишь маленькую девочку, нуждающуюся в ласке и заботе.

Вскоре Цуйлю внесла две фарфоровые пиалы с супом из груш и аккуратно поставила их на столешницу. Тут раздался веселый голос цзюньчжу:

— Сяо Сюэ, пей. Береги голос, он тебе еще понадобится, чтобы читать мне книги, а в будущем — и чтобы ведать Би Мо и Чжи Янь.

Цзюньчжу на мгновение замолкла, а затем продолжила:

— Пусть приходит Цю-эр, а ты, Син-эр, ступай отдохни.

— Благодарю цзюньчжу.

Она взяла пиалу с грушевым супом и сделала маленький глоток: суп оказался горячеватым, но на сердце сразу стало тепло.

Син-эр отложила веер и выбегла вон, а спустя мгновение на смену ей явилась служанка по имени Сяоцю.

Помимо пяти младших служанок в больших жилых покоях цзюньчжу, в боковых комнатах — левой и правой — тоже жили девочки. Их имена — Весна, Лето, Осень, Зима, Би Мо, Чжи Янь — носили те, кому едва исполнилось тринадцать-четырнадцать лет. Эти малышки, как и Син-эр, в обычные дни занимались уборкой: хоть они и считались чернорабочими служанками, труды их были нетяжкими. Позволить Син-эр и Юэ-эр жить в одной большой комнате цзюньчжу разрешила лишь потому, что те приходились друг другу сестрами.

Допив суп из груш и немного переведя дух, цзюньчжу велела Чу Сюэ следовать за ней в главные покои.

Поместье герцога Го раскинулось на огромной территории, но солнце пекло так нещадно, что на лобике цзюньчжу выступили капельки пота. Чу Сюэ тут же вытащила платок и бережно отерла пот со лба цзюньчжу.

Столь грандиозное Поместье герцога Го служило лишь жилой зоной, а позади него тянулся необъятный сад, где Чу Сюэ еще ни разу не бывала. В том саду даже растения благословил сам император, так что простой служанке вроде нее и ступать туда было боязно.

Добравшись до главных покоев, они дождались, пока служанка доложит о визите, после чего вошли внутрь. Там Чу Сюэ увидела хозяйку дома, восседающую на верхнем месте и внимательно разглядывающую стоявшую позади девушку.

— Здравствуй, матушка, — почтительно поприветствовала ее цзюньчжу. Заметив легкую улыбку на губах матери, она сделала шаг вперед и тут же услышала звонкий голос Чу Сюэ: — Служанка приветствует хозяйку дома! — вслед за чем раздался звук земного поклона.

То ли Чу Сюэ выжидала, пока хозяйка разрешит ей подняться, то ли нет, но мать окликнула саму цзюньчжу:

— Садись со мной рядом.

Рука матери была все такой же гладкой и нежной, а исходившее от ее ладоней тепло почему-то заставило девушку мгновенно вспомнить о Чу Сюэ.

Но в следующую же секунду прозвучало:

— Ты как раз вовремя. Из императорского дворца передали весть: завтра ты отправляешься во дворец составить компанию Третьей принцессе.

Словно угадав, что та хочет сказать, мать улыбнулась и добавила:

— Ты еще мала, о замужестве можешь не беспокоиться. К тому же тетушка Императрица очень любит тебя и уж точно не позволит тебе оказаться в трудном положении.

— А книги, что присылал отец, всё же придется осилить. Ты в конце концов наша старшая дочь, и отец тоже не желает, чтобы ты страдала.

— Угу, спасибо, матушка, дочь поняла.

— Как ты меня назвала?

— Матушка!

<http://bllate.org/book/21467/2196252>